

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ АНАФОРИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ В ВЕНГЕРСКИХ И РУССКИХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ¹

Мартина Каталин Сабо

(Szabó Martina Katalin, Szegedi Tudományegyetem, BTK,
Nyelvtudományi Doktori Iskola, szabomartinakatalin@gmail.com)

0. Введение

В данной работе рассматривается использование анафорических местоимений единственного числа третьего лица в сложных предложениях в русском и венгерском языках. Исследовательским материалом анализа служат результаты тестирования завершения сложных предложений. Свойства использования анафорических местоимений анализируются, прежде всего, с точки зрения теории имплицитной каузальности.

Имплицитная каузальность – это относительно новая теория (Dan-kovics 1998), касающаяся факторов, влияющих на процесс интерпретации анафорических местоимений. Согласно теории, определенный семантический признак, а именно имплицитная каузальность глагола определяет выбор антецедента местоимения из круга возможных антецедентов. Тестирование имплицитной каузальности глаголов разделяется на два основных типа: тестирование понимания и тестирование использования анафорических связей, в зависимости от того, какой тип глагола содержат тестовые предложения. Исследования, относящиеся к первой группе, рассматривают временную характеристику осмысления анафорической связи или ищут ответ на вопрос: какая именная группа (ИГ или NP) выбирается антецедентом анафоры у отдельных глаголов. Исследования второго типа занимают, в большинстве случаев, эмпирическими данными о завершении предложений в зависимости от глагола в предложении. Данная работа опирается на второй метод.

Структура тестовых предложений следующая: *NP1 V NP2, союз...*, в которой как NP1, так и NP2 – существительные единственного числа третьего лица. Эта конструкция заслуживает внимания, так как она позволяет реализовать местоименное анафорическое отношение, не обладающее однозначной репрезентацией. Например (Caramazza–Grober–Garvey 1977: 601):

¹ Это исследование было поддержано Венгерским комитетом стипендий (Magyar Ösztöndíj Bizottság).

- (1) *John¹ telephoned Bill² because he^{1/2} wanted some information.*
 ‘Джон позвонил Биллу, так как он нуждался в информации.’

С помощью данного исследования, в первую очередь, мы постараемся получить информацию о следующих свойствах русского и венгерского языков: во-первых, как соотносятся русские и венгерские глаголы с точки зрения имплицитной каузальности; во-вторых, можно ли наблюдать влияние других тенденций (стратегия параллельных функций; подлежащее как предпочитаемый антецедент; минимальная дистанция; см. Dankovics 1998) на продолжение предложений, если да, то при каких обстоятельствах; в-третьих, в зависимости от того, на какую именную группу (NP1 или NP2) реферирует анафорическое местоимение во второй части сложного предложения, какими анафорическими средствами пользуются в продолжении предложений; в-четвертых, что случится, если мы заменим союз *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért*? Какие соотношения можно установить между употреблением различных союзов и эффектом имплицитной каузальности, а также эффектом других тенденций в русском и венгерском языках?

Учитывая то, что количество данных, собранных и проанализированных в ходе нашего анализа, ограничено, данная работа считается предварительным исследованием, и результаты, представленные в работе, не являются конечным итогом.

Работа разделяется на следующие части: в первом разделе определяется понятие анафоры и рассматриваются свойства русского и венгерского языков, касающиеся употребления анафор; во втором разделе представляются главные теории использования и осмысления анафорической связи, а более подробно – теория имплицитной каузальности; в основном, третьем разделе работы помещены цель и ход исследования, затем анализ эмпирических данных; в заключительном, четвертом разделе подводятся итоги и обсуждаются перспективы дальнейших направлений исследования.

1. Анафорические связи в русском и венгерском языке

Анафорическое отношение – это отношение между языковыми выражениями, состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому (см. Кобзарева 2003: 3–4). В связи с этим, анафорическое отношение составляют два члена: анафора и ее антецедент, которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, иначе говоря, они имеют один и тот же референт. В анафорической конструкции (в отличие от катафорической) антецедент анафоры предшествует самому анафорическому выражению.

В венгерском языке, именная группа, выполняющая роль подлежащего в предшествующей части предложения и выполняющая ту же самую функцию в последующей части предложения, всегда заменяется местоимением нулевой формы (Яношка 1984: 20). Однако, в русском языке эта замена не обязательна. Рассмотрим примеры (там же):

- (2) а. *Péter¹ megszerette Mária²t és Ø¹ feleségül vette Ø².*
 б. *Петр¹ полюбил Марию² и Ø/он¹ женился на ней².*

По мнению Ш. Яношки (там же, 34), одна из причин того, что в русском языке личное местоимение «в функции подлежащего употребляется чаще, чем в венгерском языке», состоит в том, что в русском языке – в отличие от венгерского – в прошедшем времени глаголы не обладают категорией лица (РГ 1980: § 1384; Гуськова 2009: 105–106). Примеры (Яношка 1984: 34):

- (3) а. *Однажды я¹ с спокойной мамушкой² поспорил: она² кричала, Ø² не хотела меня¹ слушать.*
 б. *Egyszer megboldogult anyámmal¹ Ø² összetűztem: Ø¹ kiabált, Ø¹ nem akart meghallgatni Ø².*

Пример (3б) демонстрирует, что местоимение-подлежащее последующей части предложения, ссылающееся на N-неподлежащее предшествующей части предложения, не редко заменяется местоимением нулевой формы (Яношка 1984: 56), так как благодаря свойству спряжения глаголов однозначно определяется, какой элемент является антецедентом местоимений.

Ч. Плех (Pléh 1994; см. Dankovics 1998: 124) относится к данному вопросу несколько радикально: по его мнению, в венгерском языке личные местоимения употребляются только в том случае, если мы хотим выразить контрастивный топик.²

Кроме вышеописанного различия между венгерским и русским языками, примеры (2)–(3) также демонстрируют следующие различия: в венгерском языке существует определенное и неопределенное спряжение глаголов, что дает возможность сослаться на предшествующее прямое дополнение единственного числа с помощью местоимения нулевой формы. В то же самое время, подобной дихотомии в русском языке не существует (РГ 1980:

² Контрастивный топик, или контрафокус (Kenesei 1989: 116) – это своеобразный характер интонации и ударения в предложении, которым определяют некоторые выражения, находящиеся перед топиком предложения. Присутствие контрастивного топика значительно влияет на семантическую интерпретацию предложения (Szabolcsi 1981). Подробнее см. Gécség 2001.

§ 1384–1407), поэтому ссылка на предшествующее прямое дополнение с помощью местоимения нулевой формы либо невозможна (см. пример (2б) и (3а) выше), либо она встречается только изредка. См. пример (4) из работы Ш. Яношки (1984: 35):

(4) *Она¹ любила Ричардсона² не потому, чтобы Ø¹ Ø² прочла.*

В дискуссиях об употреблении указательных местоимений в анафорических конструкциях исследователи соглашались с тем, что по значению указательное местоимение соответствует личному местоимению (Dankovics 1998: 121). Однако, относительно правил употребления указательных местоимений мнения исследователей расходятся.

В русском языке, как представляет Ш. Яношка (1984: 35), указательное местоимение *tot* может ссылаться как на предшествующую, так и на последующую именную группу в предложении.

(5) а. *Он¹ оглянулся на Варвару²: та² сидела, закрыв лицо руками.*
б. *Старшего сына Костю¹ Бахаров² тоже очень любил, но тот¹ почти совсем не жил дома.*

На основе опыта анализа текстов, Ш. Яношка (1984: 58) установил, что в русском языке вместо личного местоимения указательное отсылает исключительно только в функции подлежащего последующего предложения к N-подлежащему предшествующего предложения. Иными словами, указательное местоимение употребляется в случае несовпадения референтов подлежащих.

В венгерском языке, по мнению Ч. Плеха (Pléh 1994; см. Dankovics 1998: 124), указательное местоимение отсылает к последней именной группе. Однако эту гипотезу не подтверждают эмпирические данные. Рассмотрим венгерский перевод (Яношка 1984: 35) русского предложения (5б):

(6) *Kosztját, az idősebbik fiút¹, Baharov² szintén nagyon szerette, de az¹ szinte egyáltalán nem lakott otthon.*

Г. Толчвай Надь (Tolcsvai Nagy 2000: 222) считает, что указательное местоимение *az* 'тот' отсылает к такому потенциальному antecedенту предшествующего предложения, референт которого находится далеко от внешнего субъекта по семантике текста. Иными словами, употребление указательного местоимения определяется углом зрения внешнего субъекта.

- (7) *János¹ odafordult a barátjához². Az² kérdezett tőle¹ valamit.*
 ‘Янош обратился к другу. Тот что-то спросил у него.’

Как Г. Толчвай Надь (Tolcsvai Nagy 2000: 222) объясняет пример (7), друг Яноша представляет собой лицо, находящееся вдали как от внешнего субъекта, так и от Яноша.

Однако, на мой взгляд, то, как Г. Толчвай Надь определяет свойства использования указательного местоимения, не совсем однозначно и точно. Рассмотрим пример ниже:

- (8) *(János és én az utcán beszélgettünk.) Egy járókelő¹ kérdezett valamit János²tól², de az² nem válaszolt.*
 ‘(Янош и я разговаривали на улице.) Прохожий что-то спросил у Яноша, однако тот не ответил.’

Как демонстрирует пример, указательное местоимение может указывать также на такой субъект предшествующего предложения, референт которого находится близко к внешнему субъекту.

Ш. Яношка (1984: 57) предполагает, что правила использования указательных местоимений в венгерском языке почти полностью совпадают с соответствующими правилами в русском языке: «при смене подлежащих кореферентной парой N-подлежащего предшествующего предложения в функции подлежащего последующего предложения выступает указательное местоимение».³ Иначе говоря, указательное местоимение *az* ‘тот’ обеспечивает замену референта подлежащего (Pléh 1994; см. Dankovics 1998: 124). В то же время, необходимо помнить, что указательное местоимение выступает в роли подлежащего последующего предложения не во всех венгерских предложениях. Указательное местоимение *az* ‘тот’ может выполнять не только функцию подлежащего, но и, например, функцию прямого дополнения:

- (9) *János¹ kérdezett valamit a barátjától², de az² ez a téma nem érdekelte.*
 ‘Янош что-то спросил у своего друга, однако того эта тема не интересовала.’

³ По мнению Ш. Яношки (1984: 58), в русском языке, в отличие от венгерского, на правила использования указательных местоимений влияют также два других фактора: род и число референта. Однако, с точки зрения данного исследования они не релевантны.

2. Основные принципы осмысления анафорической связи

Большинство исследований, посвященных проблеме анафорической связи, касается английского языка (Dankovics 1998: 126). Вследствие этого, основные теории осмысления анафор образовались в ходе анализа английского языка. К ним относятся (там же, 126–127): а) стратегия параллельных функций, б) подлежащее как предпочитаемый antecedent, в) минимальная дистанция и г) имплицитная каузальность.

В случае стратегии параллельных функций мы выбираем antecedentом анафоры элемент, который обладает той же самой синтаксической функцией, что и анафора (там же, 126). Например:

- (10) а. *Bill¹ hit Oscar and he¹ slapped John.*
 ‘Билл ударил Оскара и он дал пощечину Джону.’
 б. *Bill hit Oscar¹ and John slapped him¹.*
 ‘Билл ударил Оскара и Джон дал ему пощечину.’

Вторая теория основывается на том, что мы предпочитаем antecedentом подлежащее первого предложения, несмотря на роль, которую выполняет анафорическое местоимение во втором предложении. Например:

- (11) *Bill¹ hit Oscar and John slapped him¹.*
 ‘Билл ударил Оскара и Джон дал ему пощечину.’

По теории минимальной дистанции мы выбираем antecedentом элемент, который ближе всего расположен к анафоре.

Три представленных выше теории касаются синтаксических свойств предложений и его элементов. Однако, Гарви и Кармацца (Garvey–Carazza 1974) предположили, что семантическое свойство корня глагола в предложении (которое содержит возможные antecedенты) влияет на выбор antecedента анафоры. Это свойство называется имплицитной каузальностью глагола. Они объясняют имплицитную каузальность следующим образом: Группа глаголов типа NP1, связывающая некоторые факторы (например: качество или намерение) с прямой причиной события или ситуации, имплицитно подразумевает подлежащее antecedentом анафоры, например: *join* ‘примкнуть’, *telephone* ‘позвонить’ или *anger* ‘рассердить’. Группа глаголов типа NP2, связывающая эти факторы со скрытой причиной события или ситуации, имплицитно подразумевает N-неподлежащее antecedentом анафоры, например: *kill* ‘убить’ или *punish* ‘наказать’. Существуют также глаголы типа NPX, которые остаются нейтральными, так как они не связывают данные факторы ни с одной, ни с другой причиной события или ситуации, например: *help* ‘помочь’ или *recognize* ‘узнать’.

Эффект имплицитной каузальности глагола можно проиллюстрировать следующими примерами (Caramazza–Grober–Garvey 1977: 601):

- (12) *Jane¹ hit Mary² because she^{1/2} had stolen a tennis racket.*
 ‘Джейн ударила Мэри, потому что она украла теннисную ракетку.’
- (13) *Jane¹ angered Mary² because she^{1/2} had stolen a tennis racket.*
 ‘Джейн рассердила Мэри, потому что она украла теннисную ракетку.’

Авторы отмечают, что анафора в обоих примерах может относиться как к Джейн, так и к Мэри (оба существительных в числе и роде согласуются с местоимением), однако, в ходе интерпретации этих предложений, антецедентом анафоры мы предпочитаем разные именные группы. В (12) антецедентом анафоры мы предпочитаем имя собственное *Mary*, а в (13) – имя собственное *Jane*.

Чтобы рассмотреть, как связаны друг с другом представленные выше тенденции, снова возьмем схематическую структуру: NP1 (= подл.) V NP2, союз PRO. В этой конструкции тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент» поддерживает действие имплицитной каузальности в случае глагола NP1, и действует противоположно в случае глагола NP2. Стратегия параллельных функций действует таким же образом. Тенденция же «минимальная дистанция» действует наоборот. Значит, последняя поддерживает действие имплицитной каузальности в случае глагола NP2, и действует противоположно в случае глагола NP1.

С тех пор, как в 1970-х годах была разработана теория имплицитной каузальности, она являлась темой многих исследований – как в области лингвистики, так и в области социологии и психологии (Greene–McKoon 1995). В специальной литературе происходит ожесточенный спор о том, как точно действует имплицитная каузальность глаголов в ходе использования языка (Hartshorne–Snedeker 2012: 3). Хотя в рамках данной работы не представляется возможным детальное рассмотрение всех этих исследований, все же некоторые направления исследований имплицитной каузальности упоминаются.

Исследования разделяются на три группы в зависимости от того, что считается причиной данного явления (там же). Первая группа работ основывается на предположении о том, что имплицитная каузальность образуется из обширного жизненного опыта, испытываемого в отдельных бытовых ситуациях (LaFrance–Brownell–Hahn 1997; Corrigan 2001; ср. исследования по гендерной лингвистике и социологии ниже). Вторая группа работ рассматривает семантический признак глагола как причину явления имплицитной каузальности, которым глагол обладает уже в лексиконе. Представленная выше версия теории (Garvey–Caramazza 1974; Caramazza–Grober–

Garvey 1977) относится к этой группе. Третья группа работ выделяет семантическую структуру глаголов в качестве причины возникновения имплицитной каузальности глагола. В связи с этим, имплицитная каузальность глагола соотносится с его тематической рамкой (Brown–Fish 1983; Dankovics 1998).

Анализ имплицитной каузальности является интересной проблемой также с точки зрения гендерной лингвистики, социологических исследований и языка детей. Данные области исследования ищут ответ на вопрос: влияет ли пол или социальный статус референта именной группы на проявление имплицитной каузальности глагола в данном предложении. Иначе говоря, влияют ли эти факторы на то, кому мы приписываем причину данного события или данной ситуации (LaFrance–Brownell–Hahn 1997). А также можно ли установить различие касательно имплицитной каузальности в использовании языка между детьми и взрослыми (Corrigan–Stevenson 1994). Также упоминается, что в разных языках на проявление имплицитной каузальности глаголов влияет и культурное различие (Hartshorne–Sudo–Uruwashi 2013). Имплицитная каузальность глаголов может зависеть и от того, в какой текст (письменный или устный) они входят (Metzner 2011).

Что касается тестирования имплицитной каузальности глаголов, оно разделяется на тестирование понимания и тестирование использования анафор. Исследования первого типа анализируют либо временную характеристику осмысления анафорической связи (Greene–McKoon 1995), либо выбор антецедента анафоры (Hartshorne–Snedeker 2012). А исследования второго типа употребляют эмпирические данные, основывающиеся в большинстве случаев на завершение предложений (Garvey–Caramazza–Yates 1976; Dankovics 1998; Ueno–Kehler 2010). При использовании любого из методов, структура тестового предложения вообще не меняется. Это сложное предложение, части которого находятся в сочинительном отношении друг с другом. В первой части предложения находится глагол, который управляет двумя именными группами. Одна из них (NP1) – это логический субъект предложения, а другая (NP2) – (внутренний) аргумент глагола. Две части сложного предложения связываются друг с другом с помощью союза со значением ‘потому что’. Во второй части местоимение реферирует на одну из именных групп предложения.

Имплицитная каузальность была проанализирована не только в английском языке, но и в немецком (Metzner 2011), греческом (Natsopoulos–Grouios–Bostantzopoulou–Mentenopoulos–Katsarou–Logothetis 1993), испанском (Goikoetxea–Pascual–Acha 2008), голландском (Cozijn–Commandeur–Vonk–Noordman 2011), японском (Ueno–Kehler 2010), а также венгерском, эстонском и финском языках (Dankovics 1998). Был проведен сравнитель-

ный анализ глаголов, выражающих эмоцию субъекта, в восьми языках, в том числе в русском (Hartshorne–Sudo–Uruwashi 2013).

Вышеупомянутые исследования имплицитной каузальности подтвердили основной тезис: глагол предложения действительно влияет на то, какая именная группа первого предложения выбирается антецедентом анафоры второго предложения. Основываясь на итоги проведенных исследований, можно предположить, что имплицитная каузальность – общая тенденция, характерная для языков мира.

3. Описание исследования

3.1. Цель и предмет исследования

Настоящим анализом постараемся выяснить следующие проблемы: во-первых, как ведет себя имплицитная каузальность проанализированных глаголов в русском и венгерском языках; во-вторых, можно ли наблюдать влияние других вышепредставленных тенденций (см. раздел 2) на завершение предложений, и если да, то при каких обстоятельствах; в-третьих, в зависимости от того, на какую именную группу (NP1 или NP2) реферирует анафора, какими анафорическими средствами пользуются в завершении предложений; в-четвертых, как меняется эффект имплицитной каузальности (и других тенденций) при замене союза *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért*. Большинство исследований имплицитной каузальности пользуются тестовыми предложениями, содержащими союз со значением ‘потому что’. В то же самое время установили (см. Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998), что употребление союза со значением ‘потому что’ не дает таких же результатов тестирования, как употребление союза со значением ‘однако’: вследствие замены союза эффект имплицитной каузальности ослабевает.

В данном исследовании проверяются следующие гипотезы:

Данкович (Dankovics 1998: 133) считает, что имплицитная каузальность – это семантическое явление: глаголы отдельных языков, обладающие приблизительно тем же самым значением, обладают и подобными тематическими рамками. На этом основании мы предполагаем, что нет большого различия в том, как действует имплицитная каузальность венгерских глаголов и их русских эквивалентов.

Что касается свойств использования отдельных анафорических местоимений, предполагаем, что при завершении предложений действуют определенные правила, представленные во втором разделе данной работы.

Касательно замены союза *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért* предполагаем, что вследствие замены союза эффект имплицитной каузальности ослабевает (Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998), и после замены союзов влияние других тенденций усиливается.

Говоря о возможности сравнительного анализа имплицитной каузальности в различных языках, важно упомянуть несколько факторов. Во-первых, поиск соответствующего иноязычного эквивалента определенного глагола может оказаться проблематичным. С одной стороны, глагол исходного языка не редко обладает двумя или больше эквивалентами в другом языке, с другой стороны, он в большинстве случаев не обладает эквивалентом в другом языке, который целиком и полностью соответствует переводимому глаголу (Dankovics 1998: 130; Hartshorne–Snedeker 2012: 2). Хотя проблема перевода сложная и комплексная, с точки зрения имплицитной каузальности она не является значительной (Hartshorne–Snedeker 2012: 2), поэтому в данной работе не рассматривается в деталях. Во-вторых, в отдельных языках морфосинтаксические свойства тематических рамок глаголов могут отличаться друг от друга (Dankovics 1998: 130). Однако, как уже упоминалось выше, глаголы отдельных языков, обладающие приблизительно тем же самым значением, обладают и подобными тематическими рамками (там же, 133). В этой связи становится возможным сравнительный анализ имплицитной каузальности глаголов разных языков, несмотря на их морфосинтаксические свойства.

3.2. Методология исследования

В тестировании участвовали шесть человек: три венгероговорящих и три русскоговорящих, между тем одна женщина и двое мужчин с высшим образованием с каждой стороны, от двадцати до тридцати лет.

В первой части тестирования участникам было предложено закончить 18 предложений на родном языке таким образом, чтобы во второй части предложения утверждалось что-нибудь об одном из лиц первой части предложения. А во второй части тестирования союз *потому что/mert* был заменен союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért*.

Элементы предложения имеют следующие свойства: NP1 и NP2 – имена собственные, которые обозначают референты мужского пола в единственном числе. NP1 – это логический субъект предложения, а NP2 – это (внутренний) аргумент глагола. Условие, касающееся пола субъекта, важно учитывать, так как род субъекта влияет на результаты тестирования (La-France–Brownell–Hahn 1997). Используемые в предложениях глаголы относятся к глаголам типа NP1, NP2 или NPX (ср. Garvey–Caramazza 1974; Dankovics 1998). В анализе использовались следующие глаголы:

Так было собрано по 72 предложения от каждого участника, значит, 216 предложений по каждому языку и всего 432 предложения.⁴

⁴ Поскольку завершение нескольких предложений не соответствовало условиям исследования, т.е. участники завершили несколько предложений не в соот-

Таблица 1. Глаголы, использованные в исследовании

NP1		NP2		NPX	
венг.	рус.	венг.	рус.	венг.	рус.
<i>bevall</i>	сознаваться, сознаться	<i>megöl</i>	убивать, убить	<i>segít</i>	помогать, помочь
<i>felhív</i>	звонить, позвонить	<i>fél</i>	бояться	<i>felismer</i>	узнавать, узнать
<i>elad</i>	продавать, продать	<i>hibáztat</i>	винить, обвинить	<i>ad</i>	давать, дать
<i>hazudik</i>	лгать, солгать	<i>csodál</i>	восхищаться, восхититься	<i>vitatkozik</i>	спорить
<i>legyőz</i>	обыгрывать, обыграть	<i>gratulál</i>	поздравлять, поздравить	<i>egyetért</i>	соглашаться, согласиться
<i>csatlakozik</i>	примыкать, примкнуть	<i>kölcsönad</i>	одолживать, одолжить	<i>megijed</i>	испугаться

3.3. Результаты тестирования

Сначала рассмотрим результаты тестовых предложений, содержащих союз *потому что/mert*. Что касается имплицитной каузальности в русском языке, диаграмма 1 показывает, какая именная группа (NP1 или NP2) соответствует antecedенту анафоры у глаголов разного типа NP1, NP2 и NPX.

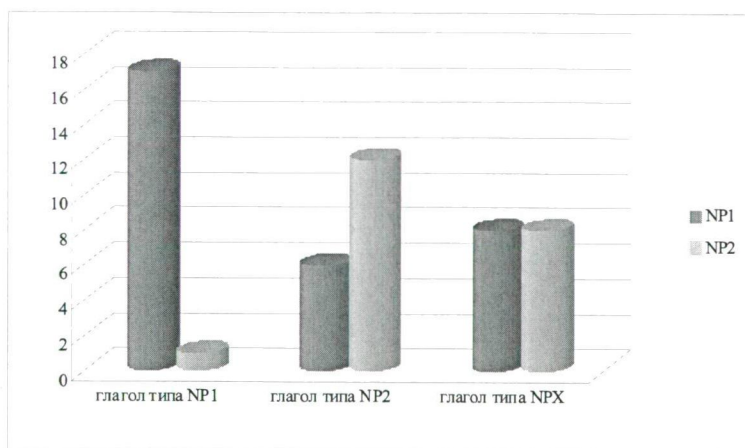

Диаграмма 1. Выбор antecedента русскоговорящими в предложениях с союзом *потому что*

ветствии с полученными инструкциями, в статистику попало всего 418 предложений.

Глаголы, которые предварительно были включены в число глаголов типа NP1, оказались в той же группе, за исключением одного предложения. Однако, в группе глаголов типа NP2 не наблюдается такого единогласия. Из 18 предложений, содержащих глагол типа NP2, в шести случаях антецедентом анафоры выбиралась первая именная группа. Глаголы *бояться* и *одолжить* отнеслись к типу NP1 на основании того, что два участника из трех выбрали первую именную группу антецедентом. Возможно, к этому привело влияние других тенденций, таких как стратегия параллельных функций и тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент». Так, упомянутые тенденции, поддерживающие первую именную группу в качестве антецедента, и имплицитная каузальность глагола типа NP2 конкурируют друг с другом. Что касается глаголов типа NPX, обе именные группы назначались антецедентом приблизительно одинаково, и ни в одном случае между участниками тестирования не было согласия.

О свойствах употребления русских анафорических местоимений мы узнали следующее: в русском языке использование анафорических местоимений разнообразнее, чем мы ожидали (см. раздел 1). Таблица 2 представляет статистические данные анафорических элементов, использованных в тестах:

Таблица 2. Статистические данные русских анафорических элементов в предложениях с союзом *потому что*

	личное мест.	Ø	указательное мест.	другой элемент	итого
антецедент: первая ИГ	16 / 51,61%	11 / 35,48%	0 / 0%	4 / 12,9%	31
антецедент: вторая ИГ	10 / 47,61%	0 / 0%	9 / 42,85%	2 / 9,52%	21
итого	26 / 50%	11 / 21,15%	9 / 17,3%	6 / 11,53%	52

В таблице сразу бросаются в глаза два момента: во-первых, ко второй именной группе относится почти одинаковое количество личных и указательных местоимений, во-вторых, кроме прогнозируемых вариантов (то есть кроме личного, указательного местоимения и местоимения нулевой формы) встречаются также несколько других элементов. Рассмотрим результаты анализа подробнее.

На основе вышеописанных свойств использования указательного местоимения в русском языке (см. раздел 1) мы предполагали, что в большинстве случаев указательное местоимение будет реферировать на именную группу первой части предложения, выполняющую функцию подлежащего, так как этот тип местоимений обозначает несовпадение референтов

подлежащих (Яношка 1984: 57). Однако, как указано в таблице 2, личным местоимением пользуются почти столько же раз (47,61%), как и указательным (42,85%). Пример:

(14) *Петр¹ боится Ивана², потому что он² очень строгий.*

О правилах употребления указательных местоимений Ш. Яношка (1984: 58) установил, что в русском языке указательное местоимение ссылается на N-неподлежащее первой части предложения исключительно только в функции подлежащего второй части предложения (см. раздел 1). Однако, это утверждение результатами тестирования не подтверждается. Рассмотрим предложение, приведенное из теста:

(15) *Петр¹ поздравил Ивана², потому что у того² сегодня был день рождения.*

Как видно, указательное местоимение не всегда выполняет функцию подлежащего.

На основе представленных в первом разделе свойств ожидалось, что участники тестирования будут употреблять личное, указательное местоимение или местоимение в нулевой форме. Однако в шести случаях (в 11,53%-х случаев) используются другие элементы: имя собственное (16а–б) и местоимение *сам* (17).

(16) а. *Петр позвонил Ивану, потому что Петру хотелось с кем-нибудь поговорить.*

б. *Петр обыграл в карты Ивана, потому что Иван играл в эту игру первый раз.*

(17) *Петр¹ согласился с Иваном² в вопросе поездки, потому что и сам¹ думал точно так же.*

Примечательно, что в нескольких случаях глагола типа NP1 (см. например (16а)) имя собственное употребляется анафорой первой именной группы, несмотря на то, что в данной конструкции как стратегия параллельных функций и тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент», так и имплицитная каузальность глагола поддерживают первую именную группу в качестве антецедента анафоры. Однако, имя собственное – это самый однозначный показатель кореференциального отношения.

Что касается правил использования личных местоимений нулевой формы в русском языке, личное местоимение, выполняющее функцию подлежащего и ссылающееся на подлежащее первой части предложения, может

заменяться местоимением нулевой формы, однако эта замена не обязательная (Яношка 1984: 20). Результаты тестирования подтверждают эту гипотезу. Ш. Яношка (там же, 35) также установил, что в русском языке ссылаться на прямое дополнение единственного числа с помощью местоимения нулевой формы либо невозможно, либо редко встречаемо. Из таблицы 2 видно, что результаты совпадают с этим предположением: в русских предложениях местоимение нулевой формы ни разу не ссылается на вторую ИГ.

Перейдем к выбору антецедента венгероговорящими в предложениях с союзом *mert* 'потому что'.

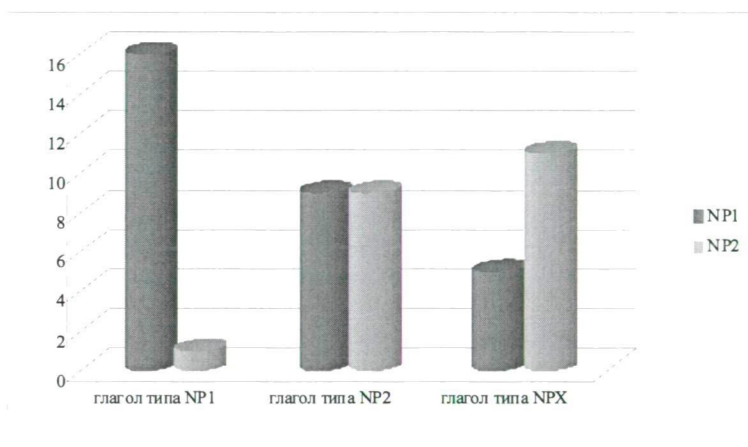

Диаграмма 2. Выбор антецедента венгероговорящими в предложениях с союзом *mert* 'потому что'

Как и в русских тестах, венгерские глаголы, которые предварительно были включены в число глаголов типа NP1, оказались тем же самым типом. Однако, в случае глаголов типа NP2, как и в русских тестах, выбор участников не был единогласным. Из 18 предложений, содержащих глагол типа NP2, в девяти случаях первая именная группа являлась антецедентом анафоры (это больше, чем в русских предложениях). Интересно, что глаголы *fél* 'бояться' и *kölcsönad* 'одалживать/одолжить', как и их русские эквиваленты, оказались глаголами типа NP1, так как два участника из трех выбрали первую ИГ антецедентом анафоры. Кроме этого, глагол *megöl* 'убивать/убить' оказался глаголом типа NP1 в тестах каждого из участников (в случае его русского эквивалента только один участник выбрал первую ИГ антецедентом анафоры). Можно предположить, что этому способствовало влияние стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый антецедент», как и в русском языке. В то же время этой гипотезе проти-

воречит тот факт, что в группе глаголов NPX участники тестирования в большинстве случаев выбрали вторую именную группу антецедентом анафоры (подробнее см. ниже). Возможно, глаголы, представляющие собой глаголы (или эквиваленты глаголов) прежних работ (см. Garvey–Caramazza 1974; Dankovics 1998), не правильно классифицированы относительно имплицитной каузальности. Имея в виду то, что результаты данного исследования основываются на небольшом количестве языковых данных, считаем необходимым провести дальнейший анализ проблемы.

В отличие от результатов русских тестов, в группах венгерских глаголов типа NPX, в некоторых случаях наблюдается единогласие. Глаголы *segít* ‘помогать/помочь’, *felismer* ‘узнавать/узнать’⁵ и *megijed* ‘испугаться’ единогласно относятся к типу NP2. Интересно, что глагол *помочь* показывает противоположную тенденцию быть глаголом типа NP1 в русском языке.

О свойствах использования анафорических местоимений в венгерских тестах можно отметить следующее: как и в русском языке, в венгерском анафорические местоимения используются более свободно и разнообразно, чем ожидалось на основе описанных в 1 разделе правил. Таблица 3 представляет статистические данные анафорических элементов в венгерских тестах с союзом *mert* ‘потому что’:

Таблица 3. Статистические данные венгерских анафорических элементов в предложениях с союзом *mert* ‘потому что’

	личное мест.	∅	указательное мест.	другой элемент	итого
антецедент: первая ИГ	8 / 26,66%	21 / 70%	0 / 0%	1 / 3,33%	30
антецедент: вторая ИГ	3 / 14,28%	13 / 61,9%	1 / 4,76%	4 / 19,04%	21
итого	11 / 21,56%	34 / 66,66%	1 / 1,96%	5 / 9,8%	51

По сравнению с результатами русских тестов, в таблице 3 бросаются в глаза два момента: во-первых, местоимение нулевой формы в венгерском языке употребляется намного чаще, чем в русском, во-вторых, указательное местоимение почти совсем не используется. При этом примечательно, что, как и в русском языке, кроме прогнозируемых вариантов (то есть кроме лич-

⁵ В связи с глаголом *felismer* ‘узнавать/узнать’ Данкович (Dankovics 1998: 134–135) также получила результат, совпадающий с результатами данного тестирования, то есть он относится к группе глаголов типа NP2.

ного, указательного местоимения и местоимения нулевой формы) также встречаются другие элементы. Рассмотрим опыт тестирования подробнее.

В венгерском языке существуют морфосинтаксические свойства глаголов (определенное и неопределенное спряжение глаголов и категория лица глаголов в прошедшем времени, см. раздел 1), которые помогают однозначно определить антецедент местоимения нулевой формы. На основе этого мы предположили, что местоимение нулевой формы употребляется в венгерском языке намного чаще, чем в русском. В таблице 3 видно, что эмпирические данные подтверждают эту гипотезу. В венгерском языке, по сравнению с русским, местоимение, ссылающееся на первую именную группу, используется в нулевой форме почти в два раза чаще (процентное соотношение в русских тестах: 35,48%, а в венгерских: 70%). Кроме этого, в венгерском языке на вторую ИГ также часто ссылается местоимение нулевой формы (61,9%), а в русских предложениях такого местоимения нулевой формы ни разу не встречалось.⁶

Однако следует отметить, что в венгерских тестах хотя и местоимение нулевой формы чаще всего выбирается анафорой (всего 66,66%), участники тестирования не выбрали его в каждом возможном случае. В тестах можно найти такие предложения, в которых – хотя употребление местоимения нулевой формы было возможно – использовалось другое решение. Например:

- (18) *Péter kölcsönadta a könyvet Ivánnak, mert Iván nagyon szeret olvasni.*
 ‘Петр одолжил книгу Ивану, потому что Иван очень любит читать.’

Пример также интересен с точки зрения употребления указательных местоимений. Исходя из работ Ш. Яношки (1984: 57) и Ч. Плеха (Pléh 1994) ожидалось, что в случае несовпадения референтов подлежащих, в функции подлежащего второй части предложения часто выступает указательное местоимение, поскольку оно обозначает смену референта подлежащего (см. раздел 1). Однако, как видно в таблице 3, указательное местоимение проявляется в венгерских тестах всего в одном предложении:

- (19) *Péter¹ megijedi Ivántól², mert az² tréfából a hűtő mögül megijesztette.*
 ‘Петр испугался Ивана, потому что тот в шутку напугал его из-за холодильника.’

⁶ По результатам анализа Данкович (Dankovics 1998: 135) также установлено, что в венгерском языке самая распространенная форма анафоры – это местоимение нулевой формы, независимо от того, какая именная группа является антецедентом анафоры.

Далее рассмотрим, что происходит при замене союза *потому что/ mert* другими союзами в тестовых предложениях.

Как мы предполагали в подразделе 3.1., замена союза действительно влияет на проявление имплицитной каузальности глаголов. Однако, последствия замены не одинаковы в случае всех союзов. Диаграммы 3–5 демонстрируют, как изменяется результат тестирования при использовании отдельных союзов.

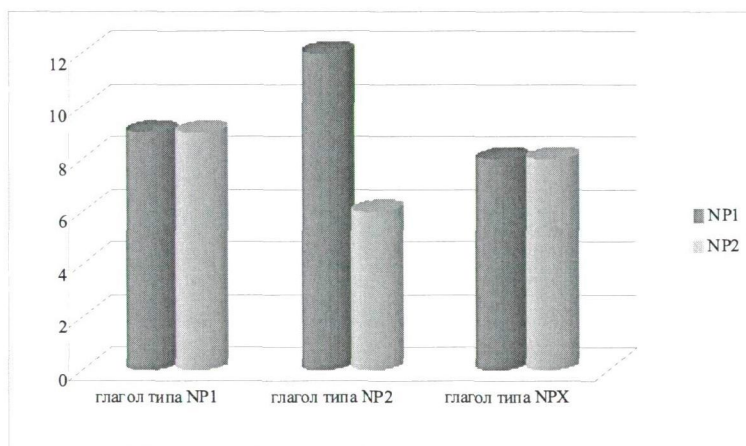

Диаграмма 3. Выбор antecedента русскоговорящими в предложениях с союзом *однако*

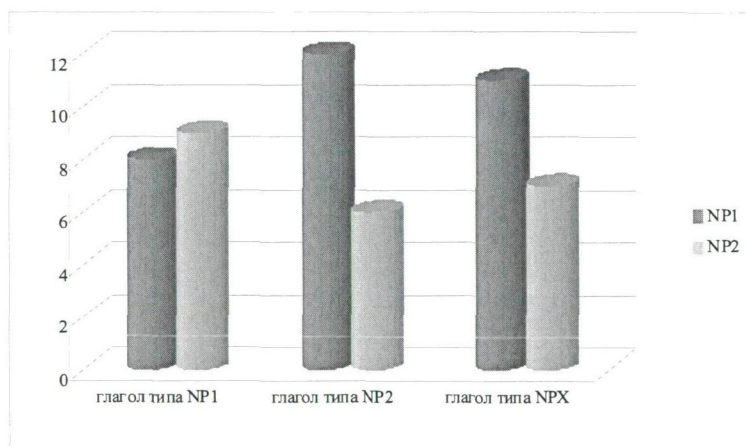

Диаграмма 4. Выбор antecedента русскоговорящими в предложениях с союзом *и*

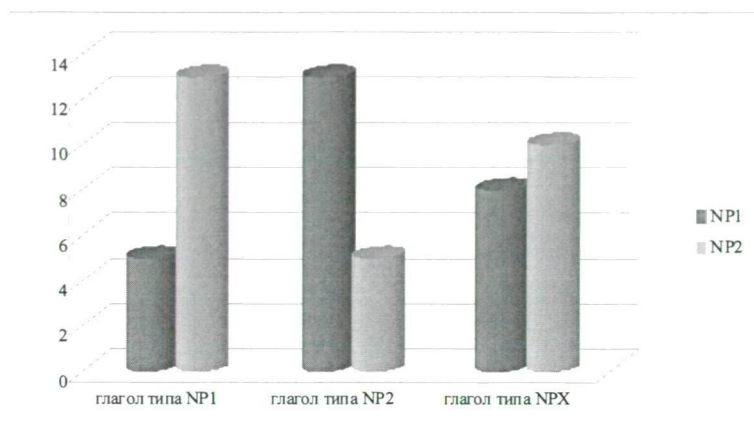

Диаграмма 5. Выбор antecedента русскоговорящими в предложениях с союзом *потому*

Мы предполагали, что вследствие замены союза *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért* эффект имплицитной каузальности ослабевает (ср. Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998). Однако, как видно на диаграммах, результаты тестирования раскрывают более примечательные детали.

В случае использования союза *потому что* мы установили, что участники в большинстве случаев выбрали antecedент анафоры в соответствии с типами глаголов (см. диаграмму 1). В то же время у союза *однако* имплицитная каузальность глаголов больше не отражается (см. диаграмму 3). В специальной литературе (Grober–Bearsley–Caramazza 1976) указано, что, применяя союз со значением ‘однако’, участники стараются построить параллельную конструкцию. Так, структура второй части предложения совпадает со структурой его первой части. Как это видно на диаграмме 3, в случае союза *однако* у глагола типа NP2 участники в большинстве случаев выбирают первую именную группу antecedентом анафоры несмотря на имплицитную каузальность глагола. Можно предположить, что вследствие замены союза *потому что* союзом *однако* эффект имплицитной каузальности уменьшается и влияние стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый antecedент» становится немного сильнее.

Такой же эффект наблюдается при замене союза *потому что* союзом *и* (см. диаграмму 4): союз *и* также сокращает влияние имплицитной каузальности и повышает эффект вышеупомянутых других тенденций.

Однако, как показывает диаграмма 5, если заменяем союз *потому что* союзом *поэтому*, мы получаем совершенно иной результат: изменение

имплицитной каузальности глаголов оказывается диаметрально противоположным. Сравнивая соответствующие диаграммы 1 и 5, видно, что данные союзы представляют собой почти оппозиционную пару. Ясно, что причина этого явления в семантике союзов: *потому что* указывает на причину события, а *поэтому* – на его последствие. Иными словами, с семантической точки зрения, они антагонистичны между собой.

В венгерском языке можно наблюдать такие же тенденции изменения, как и в русском: замена союза *mert* ‘потому что’ также влияет на проявление имплицитной каузальности глаголов и результат влияния зависит от выбранного союза.

Диаграммы 6–8 ниже демонстрируют, как меняется результат тестирования у отдельных союзов в венгерском языке. В случае замены союза *mert* ‘потому что’ союзами *de* ‘однако’ и *és* ‘и’, эффект имплицитной каузальности ослабевает и открывает простор для стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый антецедент». Вследствие этого частота выбора первой именной группы антецедентом анафоры повышается (см. диаграммы 6 и 7). В то же время союзы *mert* ‘потому что’ и *ezért* ‘поэтому’ приводят к противоположным друг другу результатам (см. диаграммы 2 и 8).

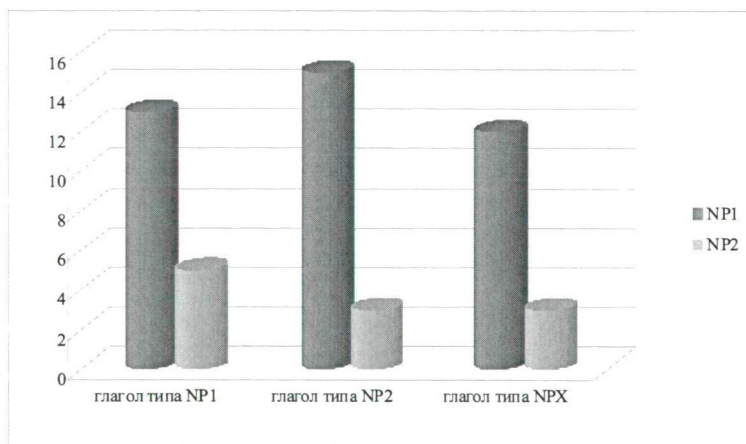

Диаграмма 6. Выбор антецедента венгероговорящими в предложениях с союзом *de* ‘однако’

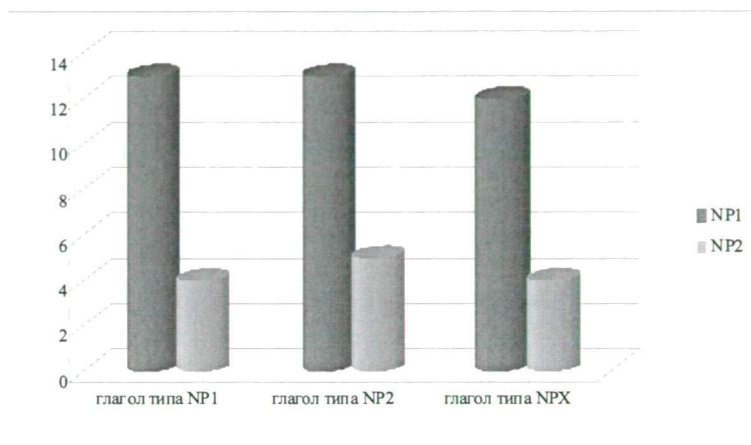

Диаграмма 7. Выбор antecedента венгороворящими в предложениях с союзом *és* 'и'

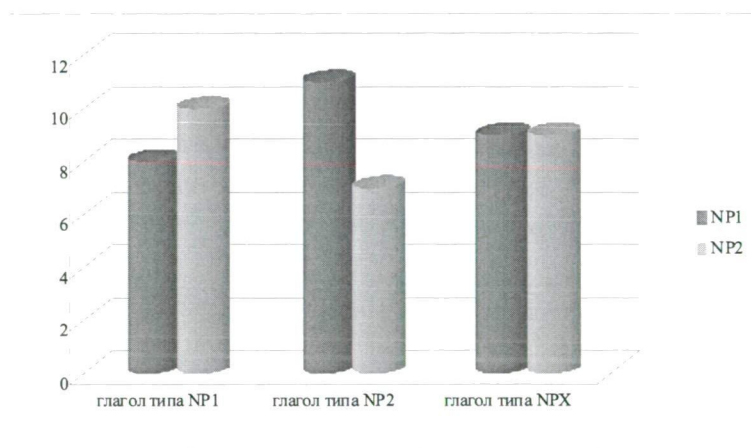

Диаграмма 8. Выбор antecedента венгероговорящими в предложениях с союзом *ezért* 'поэтому'

Следующая таблица представляет все результаты тестирования обоих языков в количественных и процентных данных. Статистические данные таблицы 4 также демонстрируют, что стратегия параллельных функций и тенденция «подлежащее как предпочитаемый antecedent» действуют сильнее в венгерском языке, чем в русском. Сравнивая статистические данные, полученные в случае использования союзов *однако/de* и *и/és*, мы видим, что в

венгерском языке – независимо от типа глагола – первая именная группа чаще выбирается антецедентом анафоры.

Таблица 4. Сводная таблица результатов тестирования

		NP1	NP2	итого			NP1	NP2	итого
	<i>потому что</i>	гл. типа NP1	17 / 94,44%	1 / 5,55%		18	<i>mert</i> 'потому что'	гл. типа NP1	16 / 94,11%
гл. типа NP2		6 / 33,33%	12 / 66,66%	18	гл. типа NP2	9 / 50%		9 / 50%	18
гл. типа NPX		8 / 50%	8 / 50%	16	гл. типа NPX	5 / 31,25%		11 / 68,75%	16
<i>поэто-му</i>		NP1	NP2	итого	<i>ezért</i> 'поэто-му'		NP1	NP2	итого
	гл. типа NP1	5 / 27,77%	13 / 72,22%	18		гл. типа NP1	8 / 44,44%	10 / 55,55%	18
	гл. типа NP2	13 / 72,22%	5 / 27,77%	18		гл. типа NP2	11 / 61,11%	7 / 38,88%	18
	гл. типа NPX	8 / 44,44%	10 / 55,55%	18	гл. типа NPX	9 / 50%	9 / 50%	18	
<i>однако</i>		NP1	NP2	итого	<i>de</i> 'однако'		NP1	NP2	итого
	гл. типа NP1	9 / 50%	9 / 50%	18		гл. типа NP1	13 / 72,22 %	5 / 27,77 %	18
	гл. типа NP2	12 / 66,66%	6 / 33,33%	18		гл. типа NP2	15 / 83,33 %	3 / 16,66 %	18
	гл. типа NPX	8 / 50%	8 / 50%	16	гл. типа NPX	12 / 80%	3 / 20%	15	
<i>и</i>		NP1	NP2	итого	<i>és</i> 'и'		NP1	NP2	итого
	гл. типа NP1	8 / 47,05%	9 / 52,94%	17		гл. типа NP1	13 / 76,47%	4 / 23,52%	17
	гл. типа NP2	12 / 66,66%	6 / 33,33%	18		гл. типа NP2	13 / 72,22%	5 / 27,77%	18
	гл. типа NPX	11 / 61,11%	7 / 38,88%	18	гл. типа NPX	12 / 75%	4 / 25%	16	

4. Подведение итогов

В настоящей работе был проведен сравнительный анализ использования анафорических местоимений единственного числа третьего лица в русских и венгерских сложных предложениях. Материалом анализа служили предложения, завершённые венгеро- и русскоговорящими. Свойства использования анафор рассматривались, в первую очередь, с точки зрения теории имплицитной каузальности глаголов.

Проведенное исследование было ориентировано на следующие центральные вопросы: во-первых, как соотносятся друг с другом русские и венгерские глаголы с точки зрения имплицитной каузальности; во-вторых, влияют ли другие тенденции (стратегия параллельных функций, подлежащее как предпочитаемый антецедент и минимальная дистанция) на завершение предложений, и если да, то при каких обстоятельствах; в-третьих, в зависимости от того, к какой именной группе (NP1 или NP2) отсылает анафорический элемент в отдельных предложениях, какими анафорическими средствами пользуются в завершениях предложений в русском и венгерском языках; в-четвертых, какие соотношения можно установить между разными союзами и эффектом имплицитной каузальности, а также, влиянием других тенденций в русском и венгерском языках?

На основе анализа 432 тестовых предложений было установлено следующее:

Как в русском, так и в венгерском языке наблюдалось влияние имплицитной каузальности глаголов в предложениях с союзом *потому что/ mert*. Глаголы, предварительно включенные в число глаголов типа NP1, оказались в той же группе в обоих языках. Однако, касательно глаголов типа NP2, результаты тестирования не были такими единогласными. Русские глаголы *бояться* и *одолжить*, а также их венгерские эквиваленты и венгерский глагол *megöl* 'убивать/убить' оказались глаголом типа NP1. Так стало возможным предположить, что в случае глаголов типа NP2 имплицитная каузальность глагола, поддерживающая вторую именную группу в качестве антецедента анафоры, конкурирует со стратегией параллельных функций и тенденцией «подлежащее как предпочитаемый антецедент», которые поддерживают первую именную группу в качестве антецедента. Однако этой гипотезе противоречил тот факт, что у венгерских глаголов типа NPX участники тестирования в большинстве случаев выбрали вторую именную группу антецедентом анафоры. (В русском языке, в группе глаголов NPX, обе именные группы оказались антецедентом приблизительно столько же раз). Такое положение дел выявляет необходимость дальнейшего анализа данной проблемы.

Что касается использования анафорических элементов, мы предполагали, что в завершении предложений действуют правила, представленные

в первом разделе данной работы. Однако было установлено, что использование анафор как в русском, так и в венгерском языке разнообразнее, чем предполагалось ранее. Прежде всего, ожидалось, что участники тестирования будут употреблять личное, указательное местоимение или местоимение нулевой формы в обоих языках, но появились и другие анафорические элементы (например, имена собственные). Кроме этого, относительно использования указательного местоимения результаты исследования не подтвердили нашего предположения, как в русском, так и в венгерском языках. Вместе с Ш. Яношкой (1984: 57) и Ч. Плехом (Pléh 1994) мы думали, что на именную группу, выполняющую функцию подлежащего первой части предложения в большинстве случаев будет реферировать указательное местоимение в обоих языках. Однако было установлено, что в русских тестах (по отношению ко второй ИГ) личным местоимением пользуются почти столько же раз, как и указательным; и в венгерских тестах указательное местоимение появилось всего в одном предложении. Кроме этого, по мнению Ш. Яношки (1984: 58), в русском языке указательное местоимение ссылается на N-подлежащее исключительно только тогда, если местоимение выполняет функцию подлежащего. Это утверждение также не было оправдано результатами. В отношении правил использования личных местоимений нулевой формы, результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что в русском языке местоимение нулевой формы используется только ограничено. На основе грамматических свойств венгерского языка ожидалось, что местоимение нулевой формы употребляется намного чаще, чем в русском языке. По результатам исследования это верно: в венгерском языке самый распространенный тип анафоры – местоимение нулевой формы, вне зависимости от того, какая именная группа служит антецедентом местоимения. Но высокая частота употребления местоимений нулевой формы не означает, что участники тестирования выбирали местоимение нулевой формы в каждом возможном случае; они не редко пользовались уточняющими элементами (например, именем собственным) даже в таких конструкциях, где употребление местоимения нулевой формы позволяло бы нахождение антецедента анафоры.

Рассматривая замену союза *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért*, на основе специальной литературы (Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998) мы предположили, что вследствие замены союза эффект имплицитной каузальности ослабевает и после замены влияние других тенденций (стратегия параллельных функций, тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент» и теория «минимальная дистанция») усиливается. Настоящее тестирование показало, что замена союза действительно влияет на проявление имплицитной каузальности глаголов в обоих языках. Тем не менее результат этого влияния не одинаков для всех

союзов. Как в русском, так и венгерском языке, замена союза *потому что/ mert* союзами *однако/ de* и *и/és* влияет приблизительно одинаково: в случае глаголов типа NP2 первая именная группа чаще выбирается антецедентом анафоры, чем вторая именная группа. Так, участники тестирования старались построить параллельную конструкцию. На основе всего этого можно думать, что при данных союзах влияние стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый антецедент» сильнее имплицитной каузальности глаголов. Мы также установили, что вышеупомянутый эффект оказался более сильным в венгерском языке, чем в русском. В то же время, если заменяем союз *потому что/ mert* союзом *поэтому/ ezért*, получается совершенно иной результат: изменение имплицитной каузальности глаголов оказывается диаметрально противоположным – как в русском, так и в венгерском языке. Причина этого явления в семантике данных союзов: с семантической точки зрения, эти союзы противоположны друг к другу.

Кроме будущего дополнения исследовательского материала посредством увеличения набора тестовых предложений и участников тестирования, возможным продолжением исследования можно назвать следующее: 1) В данном исследовании мы рассмотрели, какими анафорическими элементами пользуются участники в зависимости от того, на какую именную группу реферирует анафорический элемент. Но здесь осталось в стороне то, как выбор разных анафорических элементов зависит от типа глагола данного предложения. 2) Можно проанализировать, как влияют отдельные союзы на выбор разных анафорических элементов. 3) Стоит расширить исследование рассмотрением использования других глаголов и союзов. 4) Можно вовлечь корпусные данные в круг эмпирического анализа, особенно потому, что только несколько исследований, занимающихся проблемой имплицитной каузальности, учитывают языковые данные корпусов (например см. Metzner 2011).

ЛИТЕРАТУРА

- Гуськова, А.П. 2009, *Венгерский язык: Справочник по грамматике*. Москва: Живой язык.
- Кобзарева, Т.Ю. 2003, Проблема кореференции в рамках поверхностно-синтаксического анализа русского текста. *Ключевые доклады международной конференции «Диалог»*. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Kobzareva.htm>
- РГ – Шведова, Н.Ю. (гл. ред.) 1980, *Русская грамматика, т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука.
- Яношка, Ш. 1984, *Сопоставление русских и венгерских сложных предложений*. Будапешт: Tankönyvkiadó.

- Brown, R. – Fish, D. 1983, The psychological causality implicit in language. *Cognition* 14, 237–273.
- Caramazza, A. – Grober, E. – Garvey, C. 1977, Comprehension of anaphoric pronouns. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior* 16, 601–609.
- Corrigan, R. 2001, Implicit causality in language: Event participants and their interactions. *Journal of Language and Social Psychology* 20, 285–320.
- Corrigan, R. – Stevenson, C. 1994, Children’s causal attributions to states and events described by different classes of verbs. *Cognitive Development* 9, 235–256.
- Cozijn, R. – Commandeur, E. – Vonk, W. – Noordman, L.G.M. 2011, The time course of the use of implicit causality in the processing of pronouns: A visual world paradigm study. *Journal of Memory and Language* 64, 381–403.
- Dankovics, N. 1998, Anaforikus viszonyok finn, észt és magyar összetett mondatokban pszicholingvisztikai szempontból. *Nyelvtudományi Közlemények* 98, 120–142.
- Garvey, C. – Caramazza, A. 1974, Implicit causality in verbs. *Linguistic Inquiry* 5, 459–464.
- Garvey, C. – Caramazza, A. – Yates, J. 1976, Factors influencing assignment of pronoun antecedents. *Cognition* 3, 227–243.
- Gécseg, Zs. 2001, A kontrasztív topik szintaxisáról és szemantikájáról. *Magyar Nyelv* 97, 423–432.
- Goikoetxea, E. – Pascual, G. – Acha, J. 2008, Normative study of the implicit causality of 100 interpersonal verbs in Spanish. *Behavior Research Methods* 40, 760–772.
- Greene, S.B. – McKoon, G. 1995, Telling something we can’t know: Experimental approaches to verbs exhibiting implicit causality. *Psychological Science* 6/5, 262–270.
- Grober, E. – Beardsley, W. – Caramazza, A. 1976, *Pronominalization and parallel function*. Baltimore: Johns Hopkins University.
- Hartshorne, J.K. – Snedeker, J. 2012, Verb argument structure predicts implicit causality: The advantages of final grained semantics. *Language and Cognitive Processes*, 1–35.
- Hartshorne, J.K. – Sudo, Y. – Uruwashii, M. 2013, Are implicit causality pronoun resolution biases consistent across languages and cultures? *Experimental Psychology* 60/3, 179–196.
- Kenesei, I. 1989, Logikus-e a magyar szórend? *Általános Nyelvészeti Tanulmányok* 17, 105–152.
- LaFrance, M. – Brownell, H. – Hahn, E. 1997, Interpersonal verbs, gender, and implicit causality. *Social Psychology Quarterly* 60/2, 138–152.
- Metzner, P. 2011, *Can the asymmetric effect of implicit causality be explained through usage patterns?* <http://edoc.hu-berlin.de/conferences/qitl-4/metzner-paul-65/PDF/metzner.pdf>
- Natsopoulos, D. – Grouios, G. – Bostantzopoulou, S. – Mentenopoulos, G. – Katsarou, Z. – Logothetis, J. 1993, Algorithmic and heuristic strategies in comprehension of complement clauses by patients with Parkinson’s Disease. *Neuropsychologia* 31, 951–964.
- Pléh, Cs. 1994, Mondatközi viszonyok feldolgozása: Az anafora megértése a magyarban. *Magyar Pszichológiai Szemle* 50/5–6, 287–320.

- Szabolcsi, A. 1981, Compositionality in focus. *Folia Linguistica* 15, 141–161.
- Tolcsvai Nagy, G. 2000, Vázlat az ő – az anaforikus viszonyáról. *Magyar Nyelv* 96, 282–295.
- Ueno, M. – Kehler, A. 2010, The interpretation of null and overt pronouns in Japanese: Grammatical and pragmatic factors. In: Ohlsson, S. – Catrambone, R. (eds.), *Proceedings of the 32nd Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Austin: Cognitive Science Society, 2057–2062.